
РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Культ власти

ГАНС ВАН ЗОН

Культ власти в контексте социальных и экономических отношений в России

При анализе социальных практик, которые имеют отношение к экономической жизни (и отличают одну социальную группу от другой от региона к региону), необходимо различать ключевые элементы, оказывающие наибольшее воздействие на другие элементы сложной системы социальных практик. Комплекс взаимосвязанных социальных практик, характерных для Советского Союза и современной России, был сгруппирован и назван (пост)советским психосоциальным синдромом (рис. 1)¹. Компоненты этого синдрома являются взаимодополняющими.

Очевидно, что в центре внимания находится вопрос о том, как обращаться с властью. Утверждается, что автократическое наследие России превратило проявления абсолютистской власти и, как следствие, ее злоупотребление в ключевые проблемы повседневной жизни. Культ власти, или преклонение перед абсолютизмом, позволяет лучше понять суть социальных практик (см. рис. 1).

В случае с Россией специфическая природа проявлений власти конституирует главное препятствие для социального и экономического развития. С крахом коммунизма и плановой экономики борьба за власть стала еще большей проблемой экономического развития, несмотря на то что ее сущность претерпела фундаментальные изменения.

Последние препятствия на пути к разворачиванию национального богатства некоторыми представителями бывшей номенклатуры и криминальными элементами были устранены с развалом коммунистической партии. Парадоксально, что коммунистическая партия не только выполнила роль передаточного механизма для советских руководителей, но и содействовала достижению более высокого уровня социальной сплоченности и разрешаемости конфликтов на локальном уровне.

¹ Гипотеза (пост)советского психосоциального синдрома может рассматриваться в качестве идеального типа, который позволяет глубже понять историческую зависимость России. Однако с помощью него нельзя объяснить процесс трансформации. Кроме того, большая часть компонент синдрома не поддается эмпирическому расчету. (Пост)советский психосоциальный синдром обретает смысл только в контексте особых социальных практик. Понятие «социальная практика» включает в себя формы отношений и поведения исключительно в социальном контексте.

Рис. 1. Россия: культ власти и сопутствующие социальные практики

С ее помощью осуществлялись координация централизованно управляемой экономики на региональном уровне и выстраивание дисциплины на предприятиях.

Упразднение партийного государства означало разрушение последнего барьера для хищнической элиты, настроенной на то, чтобы обогатиться за счет общества и установить собственный порядок. Благодаря этому также был уничтожен главный механизм разрешения конфликтов и поддержания сплоченности. Возник институциональный (формальный) вакуум, в условиях которого главным источником для скорого обогащения и обретения власти стали наглость и беспринципность. В сложившейся ситуации прежде всего неформальные институты определяли поведение экономических агентов и функционирование вновь возникающих формальных институтов.

Несмотря на радикальность изменений, произошедших в результате развала партийного государства в 1988–1991 гг., новая социально-экономическая формация была органичным продолжением предыдущей. Россия «не писалась с чистого листа» с наступлением 1991 г., произошла лишь определенная перестановка элементов в структуре унаследованной экономики и общества. Возникло ощущение, что сила, некогда сокрытая под оболочкой партийного государства, с его разрушением выбралась наружу и установила свой порядок в обществе.

Дезинтеграция и упадок коммунистической системы обычно анализировались с макроэкономических и макрополитических позиций, в то время как социологические аспекты произошедших изменений обходились стороной.

1990-е годы характеризовались упрочением новой элиты на всех уровнях. В то же время рассеивание власти на высшем уровне создало угрозу распада. Непродуманная трансформация в России привела к формированию виртуального инсти-

туционального ландшафта, в котором формальные институты часто выполняли роль, противоположную их реальному назначению.

Так, например, случилось с банками, законом о банкротстве² и ваучерной приватизацией. Вместо власти закона преобладающим явлением стал правовой нигилизм, столь традиционный для России. Вместо роста доверия в экономических отношениях в 1990-х годах наибольшее распространение получили обман и мошенничество, что в результате снижало стране репутацию одной из самых ненадежных в мире. Неформальные институты, т. е. укорененные социальные практики, определяли формирование новой России в большей степени, чем попытки институционального вмешательства государства.

Неолибералы предполагали, что со снятием всех ограничений (демонтаж партийного государства и плановой экономики) рынок сформируется самостоятельно.

Ключевое институциональное ограничение для любых экономических реформ в переходный период заключалось в природе властных отношений в России. Культ власти оказался главным препятствием на пути реформ. Несмотря на то что властные структуры трансформировались в процессе перехода, природа этих отношений почти не изменилась³.

Российский неопатримониализм и культ власти

Особенности российского неопатримониализма в том виде, в котором они закрепились при президенте Путине, сводятся к ключевой роли власти (табл. 1).

Среди прочего для российского неопатримониализма характерны отсутствие долгосрочного планирования, чрезвычайно высокая доля валовой прибыли в ВВП и отсутствие стимулов к осуществлению долгосрочных инвестиций.

Большая часть вышеупомянутых особенностей российского неопатримониализма напрямую связана с культом власти, что позволяет объяснить правовой нигилизм, избегание прозрачных процедур, персонификацию власти и глубоко укорененную коррумпированность. Кроме того, упомянутые особенности взаимосвязаны и образуют органичную целостность. Новый российский капитализм функционирует в контексте этого неопатримониализма⁴.

Российское общество в период правления Путина можно охарактеризовать как государство с фрагментированным суверенитетом. Фактически власть в России во многом еще остается неконцентрированной, хотя и в меньшей степени, чем в период президентства Ельцина. Помимо региональных и муниципальных центров власти существуют еще и олигархи, которые контролируют целые сектора

² Закон о банкротстве 1998 г. наделил местных чиновников большей властью по отношению к предприятиям и позволил не просто увеличить собираемость налогов, но и попросту их захватывать (см. [Волков 2005, с. 327]).

³ Вследствие того что поведение плохо поддается изучению в лабораторных условиях или на основе материалов опросов (его можно исследовать только методом наблюдения в реальной жизни), властные отношения пока еще изучены мало.

⁴ Для неопатримониального государства характерно взаимопроникновение патримониальных и рациональных бюрократических практик, однако доминирующей составляющей является все же патримониальная логика.

Таблица 1. Особенности российского неопатримониализма

Государство	Государство	<p>Преобладающая роль государства над экономикой и обществом, сверхдержавное государство с точки зрения граждан и предпрятий</p> <p>Неэффективное и слабое государство, не способное обеспечить выполнение обещаний</p> <p>Рассеивание власти в пределах государства</p> <p>Отсутствие власти закона, правило исключений, непрозрачность законов, управление посредством приказов и распоряжений. Отсутствие разграничения властей</p> <p>Паразитическое государство, хищническое государство</p> <p>Захват государства бизнес-олигархией, препятствующей возникновению эволюционирующего государства</p> <p>Секретные службы являются ключевым инструментом поддержания сплоченности элит (среди прочего, посредством шантажа)</p>
	Роль бюрократии	<p>Общество служит «слугам народа» (система кормления)</p> <p>Независимая политическая сила</p> <p>Бюрократический полуфеодализм</p> <p>Отсутствие разграничения компетенций</p> <p>Мания контроля</p> <p>Слияние бюрократических и криминальных сетей</p> <p>Коррупцированные чиновники устанавливают барьеры для новых субъектов предпринимательской деятельности</p>
	Роль государства	<p>Государство выполняет роль «пожарной бригады».</p> <p>Тенденция к импровизации</p> <p>Командование и контроль в кризисных ситуациях</p> <p>Управление в условиях неопределенности</p>
	Политика	<p>Глубокий разрыв между государством и обществом. Государство не действует в интересах общества</p> <p>Отсутствие культуры компромиссов и развитого чувства сложности социально-политических процессов</p> <p>Маргинальная роль парламента, хотя и представляющего важность для олигархов</p> <p>Возникновение сильной «партии власти»</p> <p>Возникновение корпоративистских институтов</p>
Экономика		<p>Незащищенность прав собственности</p> <p>Преобладание олигополий/монополий над конкуренцией</p> <p>Ничтожность сектора малых предприятий</p> <p>Низкий уровень организационного капитала</p> <p>Динамика центр – периферия</p> <p>Масштабная теневая экономика</p>
Общество		<p>Атомизированное общество</p> <p>Высокий уровень неравенства</p> <p>Слабость институтов, способствующих решению конфликтов и созданию ценностей</p>

экономики, в особенности наиболее прибыльные. Таким образом они покупают себе политическое влияние.

В России сформировались неопатримониальное государство и общество, в котором образовалась тесная связь между общепринятыми социальными практиками и принципами функционирования политической, экономической и социальной системы. Политическая власть примитивна по своей сущности и с легкостью конвертируется в богатство. Однако, как показывает новейшая российская история, обратная связь стала еще более сложной. Обогащение олигархов напрямую зависит от их лояльности государству и власти.

Для современной России также характерен многослойный административный аппарат с многочисленными ветвями власти. Он производит на свет огромное количество законов и прочих квазизаконных актов, которые практически ни с кем не согласовываются, а зачастую даже и не публикуются. Многие распоряжения и приказы настолько противоречат сами себе, что нередко их трактовка не является однозначной. Рассеивание ответственности и власти в итоге делает систему государственного управления слабой и неэффективной⁵.

При всей неповоротливости и неуклюжести огромного бюрократического аппарата ни в коем случае нельзя недооценивать его влияния на политические процессы в обществе. Российское чиновничество можно рассматривать как «суверенную бюрократию». В неопатримониальном государстве оно не только превратилось в независимую политическую силу и укрепило свои позиции в процессе осуществления постсоветской трансформации, но и увеличилось численно⁶. Кроме того, обладая монополией на законотворчество, чиновники могут позволить себе действовать в обход собственных же законов. Преобладание распоряжений над законами и многочисленные исключения из общих правил стали привычным делом в повседневной практике.

Персонифицированный и патримониальный характер государства во многом сказывается и на его экономике. Очевидным становится интерес государства к противодействию институционализации правил, которые ограничивают его политическую власть и источники обогащения. В патримониальном государстве основная функция закона заключается не в обеспечении справедливости, а в поддержании порядка. Судебные органы, как правило, являются неотъемлемой частью бюрократии и подчиняются Кремлю (региональным или муниципальным авторитетам). Государство становится вне закона.

Доминирование государства во всех сферах общественной жизни и неприкосновенность чиновничества, ставшие привычными за годы правления Ельцина и

⁵ Показателен факт, что 20–30% приказов президента никогда не претворялись в жизнь. Цена взятки, способной отложить закон о налогах, который приносил бы государству около 50 млн долл. в год, составляет порядка 5 млн долл. [Аргументы и факты 26 октября 2005].

⁶ В России численность административного аппарата существенно увеличилась: с 660 тыс. во времена СССР до 1,3 млн в 2005 г. [Там же]. При реальном переходе от плановой экономики к рыночной следовало бы ожидать обратного эффекта!

Путина, можно условно охарактеризовать как бюрократическую форму полуфеодализма⁷.

В России так и не было создано государства, способного отвечать интересам общества и обеспечивать эволюционное развитие политических и институциональных структур. Сохраняющуюся дистанцию между государством и обществом можно рассматривать в качестве основной причины провала модернизации.

Россия с точки зрения опыта западных обществ

При оценке тяжелой ситуации, в которой оказалась Россия, с точки зрения того, что предопределило успех развитых рыночных экономик, природа властных отношений вновь проявляется в качестве ключевого фактора.

Экономическая трансформация развитых западных обществ может быть рассмотрена в контексте развития потенциала решения проблем. За время деспотического режима Россия привыкла мириться с проблемами, вместо того чтобы искать пути их решения. Внутри нее механизмы решения проблем и конфликтов остаются непроработанными, тогда как в развитых странах давно стали привычными поиск эффективных решений и социальный инжиниринг. В этих обществах помимо важного рыночного сектора (автономная экономическая система) всегда существовали сильное государство, обеспечивающее «власть закона», и поддерживающее его сильное общество.

Проблема России заключается в том, что в каждой из ключевых сфер имеют место глубокие и довольно значимые дефекты: на пороге краха стоит не только рыночная экономика, но и вся иерархия общества с существующими в ней сетями⁸.

⁷ Патримониализм и феодализм являются различными социально-экономическими формациями. Тем не менее российский неопатримониализм можно рассматривать в качестве гибридной формации, в которой патримониальная логика является доминирующей, несмотря на наличие элементов феодализма, рациональности и законности.

⁸ Возможно, что этот прогноз кому-то покажется излишне пессимистическим. Ведь в России с 2000 г. наблюдается устойчивый экономический рост! Однако этот рост во многом был обеспечен за счет быстрорастущего экспорта при одновременном сокращении импорта вследствие ослабления рубля, позднее подкрепленного растущим потребительским спросом. Российский торговый экспорт в период с 2000 по 2004 г. вырос со 105 млрд долл. до 182 млрд долл. [World Bank database]. Нефть, газ, металлы, химическая продукция и лес составили порядка 85,4% российского экспорта (2005 г.), в то время как экспорт высокотехнологичных товаров составил лишь 9% от всей стоимости экспорта (2004 г., при 14% в 2000 г.). В 2001–2004 гг. природные ресурсы обеспечивали треть роста ВВП и 70% роста в промышленном выпуске [Ahrend 2006, p. 1–24]. Тем не менее в 2004 г. производство промышленных товаров все еще оставалось на уровне 29% по сравнению с уровнем 1989 г., тогда как реальный ВВП был на 17,5% ниже уровня 1989 г. [Economic Survey of Europe 2005]. В 2004 г. объем выпуска в легкой промышленности составил 15,6% от уровня 1991 г., производство строительных материалов – 45%, станкостроение – 69%, нефтепромышленность – 98,4%, черная металлургия – 89% и цветная – 91%. В 2004 г. в России было произведено 32 самолета и 95 вертолетов, тогда как в 1984 г. 500 и 300 соответственно. При объеме инвестиций в 18% ВВП Россия обладает небольшими перспективами по сравнению с остальным миром. Однако проблема заключается не только в недостатке капитала. Как и в 1990-е годы, отток капитала довольно высок, тогда как прямые иностранные инвестиции в 2006 г. существенно выросли по сравнению с 2005 г. (с 14,6 млрд до 30 млрд долл.). В 2005 г. российские граждане инвестировали 120 млрд долл. в недвижимость за рубежом (в 2000 г. – 20 млрд долл.) по сравнению с 20 млрд в 2000 г. [Аргументы и факты 18 апреля 2007]. Приведенные выше факты свидетельствуют о наличии серьезных экономических проблем, несмотря на впечатляющий экономический рост в последние годы.

Главная причина — изолированность общества. В силу этого попросту отсутствуют какие-либо возможности для ограничения и без того безграничной власти руководства практически на всех уровнях посредством введения практики прозрачных процедур в разрешении конфликтов. На Западе механизмы решения конфликтов были главным фактором, способствовавшим социальному и экономическому прогрессу⁹.

В условиях развитого капитализма популярной становится новая социотехнологическая и организационная парадигма, для которой характерным является плюрализм в управлении и организации. В России формирование такой парадигмы осложняется общим недостатком доверия, дефицитом сотрудничества между предприятиями и организациями и негативным отношением государства к некоммерческим общественным организациям. Складывается ощущение, что Россия движется совершенно в обратном направлении.

Формирование социальных сетей в России заметно отличается от процесса образования «сетевых обществ» в капиталистическом мире. Отличие состоит не просто в отсутствии или наличии этого явления, а в его сущностном характере. В России социальный капитал имеет несовременные формы и совершенно не способствует общему развитию¹⁰. Особенность российского общества заключается в том, что доисторические формы капитала преобладают над организационным капиталом, тогда как преобладание последнего является ключевым для успешных экономик¹¹. Нехватка законов, определяющих социальные отношения и отношения между институтами, препятствующая сотрудничеству во всех сферах, является одной из главных преград на пути к социальному и экономическому развитию страны.

Сети, как правило, имеют локализованный и достаточно закрытый характер, благодаря чему деловые транзакции становятся более предсказуемыми. При этом стороннему участнику крайне сложно включиться в эти сети, поскольку главным условием их функционирования является принятие внутригрупповой морали (этикета, принципов). Межгрупповые (межсетевые) транзакции представляют большую сложность. Цель сетей, среди прочего, состоит в ограничении доступа для аутсайдеров. Россию можно рассматривать в качестве сложного комплекса локальных экономических сетей (бизнес-групп) с локализованными и персонифицированными отношениями. Зачастую чиновник играет ключевую роль в этих отношениях, поскольку открывает двери к сотрудничеству с государством посредством «решения проблемы с властью в индивидуальном порядке» [Oleinik 2005, p. 186].

Во всех успешных экономиках как рынки, так и конкуренция встроены в кооперационные сети, которые выступают в роли механизмов снижения неопределенности и амортизатора нестабильности. Нехватка горизонтального сотрудничества

⁹ Н. Сахаров очень хорошо описывает, как механизмы, способствовавшие разрешению конфликтов, также способствовали социальному прогрессу на Западе [Сахаров 2006, с. 68].

¹⁰ Определение социального капитала дает Патнэм [Putnam 1993, p. 35]: «...особенности социальной жизни, сети, нормы и доверие, которые способствуют взаимной выгоде».

¹¹ Организационный капитал представляет собой сумму организаций общества, которые являются официально зарегистрированными, признаваемыми государством, законопослушными, бюрократическими и управляемыми в соответствии с иерархией.

и закрытый характер сетей в России препятствуют внедрению и диффузии инноваций. Это связано с недостатком доверия в обществе, характерным для России на протяжении всей ее истории. Согласно Виньски (Winiński), доверие представляет собой одну из фундаментальных традиций гражданского общества, выражающуюся в способности и желании граждан организовываться для достижения общих целей [Winiński 2004].

Для России типичны нехватка организационной дифференциации, демаркация компетенций и границ как между, так и в пределах организаций, характерных для западных экономик. Данный недостаток горизонтальной дифференциации обусловлен намеренным уходом от прозрачности экономических процедур. Для России характерно преобладание нравов над законами, равно как и презрение к рациональности формальных правил.

Успех наиболее развитых экономик заключается не в неограниченной свободе рынка, а в институтах, обеспечивающих конкуренцию и сотрудничество. В пределах фирмы кооперация достигается за счет сплоченности и организационной культуры. В эволюционирующей экономике характер сотрудничества, возникающего внутри организаций, также предопределяет характер сотрудничества между различными фирмами. По мнению Ходжсона (Hodgson), «капитализму удалось выжить благодаря тому, что он способствовал развитию (по-разному и с разной степенью успеха) ликвидности частной собственности и стимулов для ее эффективного обмена в обществах, различных по степени своей сплоченности и моральным обязательствам, обеспечивающим функционирование системы контрактов в сложной среде». С этой точки зрения российская экономика испытывает дефицит сотрудничества и доверия, что усложняет накопление организационного капитала, которое происходит не только в результате передачи некоторых специфических знаний, но и неявного опыта [Hodgson 1999, p. 68].

Россия с точки зрения патримониальных обществ

Для полноты анализа важно также рассмотреть опыт успешных неопатримониальных обществ.

Успех большинства патримониальных обществ был обеспечен благодаря активному использованию достоинств авторитарного режима. Тем не менее складывается ощущение, что ключевые предпосылки, обеспечившие успех рассматриваемых обществ, попросту отсутствуют либо являются слабо развитыми в современной России. П. Эванс (Evans) показал, что для осуществления успешной модернизации необходимо, чтобы государственные институты обеспечивали сотрудничество между бюрократией и обществом. Кроме того, государство и чиновничий аппарат должны обладать некоторой долей автономии, а политические элиты — здравым смыслом при выработке целей и осуществления руководства. Роль государства заключается в обеспечении стабильности и доверия, в создании необходимой для развития и управления инфраструктуры [Evans 1995].

В России, по крайней мере в 1990-е годы, можно было наблюдать прямое способствование государства собственной же деградации. В процессе создания

рыночной экономики страна остро нуждалась не в полном невмешательстве государства, а, наоборот, в его содействии и руководящей роли. На практике позиция невмешательства способствовала поиску ренты в условиях нестабильной социально-экономической обстановки и неразвитого рынка капитала, без которого невозможно обеспечить эффективное распределение ресурсов¹². Неуправляемая законом экономика сопряжена с высокой степенью неопределенности, что приводит к ограничению временного горизонта при выработке экономических решений. Стать богатым становится легче, обеспечив себе хорошие взаимоотношения с коррумпированными чиновниками и политиками, в руках которых сосредоточено достаточно властных ресурсов, чтобы контролировать входы и выходы с рынка для новых участников, но которые не заинтересованы в развитии и инновациях. Кроме того, государство фактически стимулирует предпринимателей держать деньги на иностранных счетах, вместо того чтобы убеждать их инвестировать средства в экономику России. Не используя профицит бюджета на развитие разваливающейся инфраструктуры, государство просто складывает деньги в копилку. Более того, у правительства отсутствует внятная промышленная политика.

Страны со схожими культурными традициями и поведенческими практиками представляют собой интересный материал для сравнения (см. [van Zon 2000, 2005]). В ходе «оранжевой революции» на Украине актуализировались некоторые сильные и слабые черты российского неопатримониализма, сохранившегося в ее восточной части. Исторически эта часть страны была в большей степени подчинена Советскому Союзу, была более «русской» по своему этническому составу и более «советизированной». Накануне «оранжевой революции» (конец 2004 г.) Украина все больше склонялась к модели неконкурентного авторитаризма и моновластия. «Донецкий клан» (наиболее влиятельная группировка Восточной Украины) превратился в доминирующую политическую силу, и в результате многие стали опасаться, что российский патримониальный порядок будет установлен по всей стране. В то же время «оранжевая революция» обнаружила слабости этой модели. Позднее, когда после своего поражения В. Янукович вернулся в правительство, возглавив кабинет министров, мощь «донецкой модели» стала очевидной. Складывается ощущение, что «оранжевая революция» никак не поколебала позиции доминирующего неопатримониализма, при том что и сам политический режим в сущности изменился незначительно. В самом же Донецке патримониализм консолидировался на основе развития корпоративистской культуры. В национальном масштабе «донецкая модель» утвердилась в новом качестве и расширила свое влияние. Это наглядное свидетельство того, что неопатримониализм в российском варианте совершенно не обязательно обречен при попытке его свержения.

И в России, и на Украине власть, как правило, сосредоточена там, где, согласно конституции, ее быть не должно. Это характерно и для всего остального мира. Во многих восточно- и южноазиатских парламентских демократиях существует разделение между формой и содержанием власти. В большинстве случаев формальная структура власти на самом деле является фикцией. Таким образом, фиктивная

¹² По данным на 2005 г. кредиты, выданные внутри страны, составляют лишь 28% российского ВВП, тогда как в развитых рыночных экономиках они в среднем составляют 182% [World Bank].

демократия в большинстве постсоветских государств не представляет исключения. Можно было бы предположить, что в патримониальных обществах власть отчетливо проявляется при условии нормального функционирования государства. И тем не менее это не совсем так. Япония, хотя и осуществила быструю модернизацию, многое унаследовала от традиционного общества и является исключением из веберовской концепции модернизма. В Японии существует такая же «партия власти», как и в России, и эта партия так же использует административный ресурс для того, чтобы держаться у власти, кроме того, в ней также присутствуют «декоративные» партии.

Особенностью Японии является отсутствие отчетливого центра (точки концентрации) власти. При этом Япония остается политически стабильным государством на протяжении долгого времени. Власть в ней разделена между крупными предприятиями, чиновниками и правительством. Тем не менее, в отличие от России, в Японии существует консенсус между политической и деловой элитой в отношении того, какая политика нужна государству. Для этого в стране сформированы все необходимые механизмы. А традиционная для Японии «культура позора» поддерживает поведенческие практики, соответствующие неким социальным ожиданиям.

Если в отношении России и Украины складывается ощущение, что сильная власть в этих странах возможна только при условии ее концентрации в руках одного сильного руководителя, а разделение власти является проблематичным, то в Японии сильное руководство гарантировано институционализированными механизмами, поддерживающими согласие [*van Wolferen* 1989].

Согласно исследованию Всемирного банка (2006 г.) в Китае развивается впечатляющий комплекс неформальных институтов, поддерживающих такую же динамичную активность (предпринимательство, появление на рынке новых участников) и конкуренцию, которые свойственны инновационной экономике США. А тем временем в России все еще типичным явлением остается захват рынков ограниченным количеством участников, состоящих в тесных отношениях с региональными и муниципальными властями. Это создает большие трудности для развития здоровой конкуренции.

Для того чтобы в условиях отсутствия рыночных институтов сделать возможным динамичное развитие, необходимое для становления инновационной экономики, Китаю потребовалось уступить часть власти и автономии своим провинциям [World Bank 2006, p. 17]. В России децентрализация власти наоборот всячески пресекается.

В то время как в России бюрократический аппарат постепенно раздувался, Китаю удалось сократить численность чиновников¹³.

Если в Китае доля частного потребления в ВВП является довольно низкой (44% в 2003 г.) и сопоставима с Россией (49,1% в период с 1998 по 2005 г.), то доля

¹³ В Китае в период с 1996 по 2002 г. были отстранены от обязанностей 17 тыс. чиновников и еще 28626 подали в отставку. В итоге общее количество чиновников составило 5 млн человек при общей численности населения свыше 1,3 млрд [People's Daily 2003].

частного потребления и капитальных вложений в экономику в Китае намного выше, чем в России (86% в 2003 г. против 66,1%) [*Menshikov* 2005].

Сравнительный анализ показывает, что в отличие от России Китай прежде всего освободил рынки и лишь затем провел постепенную приватизацию [*Bhaumik, Estrin* 2005]. **Китайские предприятия, включая те, что находятся в собственности государства, оказались намного более чувствительными к рыночным сигналам, чем российские.** В Китае вхождение новых участников на рынок лишь приветствуется, в то время как в России ограничение входа на рынок является привычной практикой¹⁴. В целом в конце 1990-х годов эффективность предприятий в Китае в большей степени определялась экономическими факторами, тогда как в России доминировали специфические региональные факторы. В отличие от Китая российские рынки сильно фрагментированы по географическому и институциональному признакам. Кроме того, Китаю удалось осуществить децентрализацию управления, обеспечившую конкуренцию между региональными и муниципальными властями.

Опыт Китая подтверждает, что рыночных стимулов бывает достаточно для того, чтобы обеспечить определенный уровень эффективности предприятия без проведения одномоментной массовой приватизации. Ш. Бхаумик и С. Эстрин (*Bhaumik and Estrin*) [*Ibid*] **заключают, что ни «шоковая терапия», ни приватизация не являются** непременным условием успешной трансформации. В России слишком велик разрыв между обществом и государством. Согласно обследованию 2003–2005 гг. только 37% от числа опрошенных российских предпринимателей доверяют правительству против 82% в Китае [*Джанков и др.* 2007]. Согласно другим данным доля положительно ответивших на вопрос «можно ли доверять большинству людей?» в России составляет 37,9%, а в Китае – 64,3% [*Ясин* 2007, с. 68].

Создается впечатление, что в случае любого положительного сценария, при условии сохранения доминирующих сегодня в России социальных практик, государству необходимо сильное политическое лидерство как предпосылка постепенного перехода к экономике и обществу, управляемым с помощью закона. Государство играет важную роль в обеспечении доверия и определенности в социально-экономической жизни. Повысить уровень доверия в России можно только при условии реформирования государственного аппарата и честности чиновников. В принципе, это выполнимо, если в стране будет сформировано гражданское общество, способное эффективно противодействовать государству. В то же время нельзя забывать, что государство также должно внести свою лепту в обеспечение сплоченности общества.

В нынешней ситуации в условиях хищнического, ориентированного на ренту частного сектора, очень важно, чтобы государство обеспечивало развитие инфраструктуры при сохранении обязательств перед обществом в сфере образования, здравоохранения, а также защиту страны от разграбления, что подразумевает

¹⁴ В декабре 2000 г. в России была зарегистрирована 891 тыс. малых предприятий – меньше, чем в 1994 г. В Польше, с населением примерно в четверть российского, – 2 млн предприятий. В России на долю малых предприятий приходится 10% ВВП, тогда как на Западе примерно половина [*Goldman* 2003, р. 212]. Чтобы открыть свой бизнес в Москве, необходимо пройти около 50 формальных процедур, посетить от 20 до 30 инстанций и согласовать все примерно с 50–90 различными чиновниками [*Ibid*, р. 213].

определенные протекционистские меры и контроль за международными финансовыми сделками. Корпоративистская модель управления и развития, способная учитывать укорененные социальные практики, отношения и системы ценностей, а также предусматривающая постепенную их трансформацию, поможет России встать в один ряд с ведущими экономиками мира.

Перевод с англ. Г.А. Ястребова

Литература

Аргументы и факты. 26 октября 2005. № 43.

Аргументы и факты. 18 апреля 2007. № 18.

Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

Джанков С., Кян Й., Роланд Ж., Журавская Е. Предпринимательство в Китае и России: сравнение: Доклад на VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие». 2007.

Сахаров Н.Л. Бизнес в России: специфика управления. М.; СПб.: Вершина, 2006.

Ясин Е.Г. Модернизация и общество: Доклад к VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие». М.: ГУ ВШЭ, 3–5 апреля 2007.

Ahrend R. Russia Post-Crisis Growth: Its Sources and Prospects for Continuation // Europe-Asia Studies. January 2006. Vol. 58.

Bhaumik S., Estrin S. How Transition Paths Differ: Enterprise Performance in Russia and China. Discussion Paper Series. IZA Bonn, 2005. № 1484.

Economic Survey of Europe. 2005. № 2.

Evans P. Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation. Princeton, NY: Princeton University Press, 1995.

Goldman M.I. Political Graft: The Russian Way // Current History. October 2005.

Hedlund S. Russian Path Dependency: a People with a Troubled History. L.: Routledge, 2005.

Hodgson G.M. Economics and Utopia. Why the Learning Economy is not the End of History. L.: Routledge, 1999.

Menshikov S. The Anatomy of Russian Capitalism // Challenge. March – April 2005.

Oleinik A.N. (ed.) The Institutional Economics of Russia's Transformation. Ashgate: Aldershot, 2005.

People's Daily. 16 December 2003.

Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press. NY: Princeton, 1993.

Winięcki J. Determinants of Catching Up or Falling Behind: Interaction of Formal and Informal Institutions // Post-Communist Economies. June 2004. Vol. 16. № 2.

Wolferen K.G. van. Japan. De Onzichtbare Drijfveren van een Wereldmacht. Rainbow Pocketboeken, 1989.

World Bank. Russian Economic Report. December 2006. Интернет-ресурс: www.worldbank.org.ru

Zon H. van. The Political Economy of Independent Ukraine. UK: Palgrave MacMillan, 2000.

Zon H. van. Political Culture and Neo-Patrimonialism under Leonid Kuchma // Problems of Post-Communism. September – October 2005. Vol. 52. № 5.

Zon H. van. Russia's Development Problem – the Cult of Power. UK: Palgrave MacMillan, 2008 (forthcoming).